

3. Ингарден Р. Музыкальное произведение и вопрос его идентичности / Роман Ингарден ; [пер. с польского А. Ермилова и Б. Федорова] // Исследования по эстетике. – М. : Иностр. лит-ра, 1962. – С. 403 – 570.
4. Конен В. Д. История зарубежной музыки. Выпуск 2 / Валентина Джозефовна Конен. - М.: Музыка, 1972. - 528 с.
5. Ливанова Т. Н. История западноевропейской музыки до 1789 года : в 2 т. / Тамара Николаевна Ливанова. - М.: Музыка, 1983.
6. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / Алексей Федорович Лосев // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М. : Правда, 1990. – С. 195 – 392.
7. Макаренко Г. Музыка і філософія : Шопенгауер, Вагнер, Ницше / Герман Макаренко. – К. : Факт, 2004. – 152 с.
8. Медушевский В. В. Онтологические основы интерпретации музыки / Вячеслав Вячеславович Медушевский // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры. Сб. трудов. Вып. 129. - М. : РАМ им. Гнесиных, 1994. - С. 53 – 65.
9. Нечаева Н. Б. Основания музыкального творчества как феномена культуры / Н. Б. Нечаева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 131 с.
10. Пустовит А. В. Восприятие классической музыки как философский практикум / Александр Пустовит // Ставропігійські філософські студії. – Львів, 2009. – Вип. 3 – С. 255 – 273
11. Русяева М. В. Методичні вказівки до курсу «Історія музики» для студентів-культурологів філософського факультету / М. В. Русяєва. – Одеса : Укрполіграф, 2008. – 37 с.
12. Русяева М. В. Актуальні проблеми трагічного в музиці / М. В. Русяєва // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Випуск 15. Філософія. - Одеса, 2007. - С. 66 – 73.
13. Рябініна О. В. Феноменологія музики. Досвід концептуалізації : [монографія] / Олена Володимирівна Рябініна. – Харків : Харківський військовий університет, 2000. - 285 с.
14. Суханцева В.К. Музыка как мир человека. От идеи вселенной - к философии музыки / Виктория Суханцева. – К. : Факт, 2000. – 176 с.
15. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры : Курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством : в 2 т. / Татьяна Чередниченко. – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994.
16. Чернова І. В. Онтологія музичного твору та його виконання в естетиці Р. Ингардена / Ірина Вікторівна Чернова // Філософські пошуки. Вип. ХІХ : Пізнання: Епістемологічний, онтологічний та соціальний виміри. – Львів – Одеса : ІФЛІС – ЛФС “Cogito”. Видавництво “Центр Європи”, 2005. – С. 342 – 349.

Сақун А. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Одесской национальной академии связи имени А.С.Попова.

УДК: 140.8; 303.725.36; 3.08

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ

У статті аналізується зміст і сутність базових теоретичних і філософських концепцій в управлінні сучасним суспільством. Основна увага приділена такому філософському напрямку як прагматизм, який мав найсильніший вплив на духовне життя сучасного суспільства, філософському, антропологічному імовірністному детермінізму, концепції антропосоціального управління суспільством, а також синергетичній парадигмі в управлінні соціумом як одному з найбільш дієвих інструментів продуктивної комунікації суспільства.

Ключові слова: *концепція, парадигма, прагматизм, детермінізм, синергетика, управління, суспільство.*

В статье анализируется содержание и суть базовых теоретических и философских концепций в управлении современным обществом. Основное внимание уделено такому философскому направлению как прагматизм, которое оказало сильнейшее влияние на духовную жизнь современного общества, философскому, антропологическому, вероятностному детерминизму, концепции антропосоциального управления обществом, а также синергетической парадигме в управлении социумом, как одному из наиболее действенных инструментов продуктивной коммуникации сообщества.

Ключевые слова: *концепция, парадигма, прагматизм, детерминизм, синергетика, управление, общество.*

Maintenance and essence of base theoretical and philosophical conceptions in management by modern society are analysed. Basic attention is spared to such philosophical direction as pragmatism, which rendered the strongest influence on spiritual life of modern society, to philosophical anthropological probabilistic determinism, conceptions of anthroposocial management by society, and also to the synergetic paradigm in society's management, as one of the most effective instruments of productive communication of association.

Keywords: *conception, paradigm, pragmatism, determinism, synergetics, management, society.*

В современной науке об управлении имеется целое множество разных концептуальных схем и теорий управления социумом и поведением человека. Необходимо учитывать то существенное обстоятельство, согласно которому все они исходят из определенных философских конструкций. Прежде всего следует отметить такое субъективно-идеалистическое философское учение, как прагматизм, возникшее в 70-х годах XIX в США и получившее наибольшее распространение в первой половине XX в. Видные представители этого философского учения У. Джемс и Дж. Дьюи считали, что философия должна выступать в качестве метода решения разнообразных практических задач, возникающих перед людьми в различных жизненных ситуациях. Прагматизм оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь Америки, в том числе на труды в области управления Ф. Тэйлора, Г. Форда и др.

Не потеряли своей актуальности и работы классиков менеджмента Ф. Тэйлора, А. Файоля, Г. Эмерсона и Г. Форда, без которых оказалось бы невозможным возникновение современного менеджмента с присущим ему единством науки, искусства и технологии управления. Эти классические труды весьма удачно дополняют друг друга: Ф. Тэйлор анализирует проблемы цехового управления, Г. Эмерсон и Г. Форд сосредотачивают свое внимание на всем производственном процессе, тогда как А. Файоль занимается преимущественно проблемами высшей администрации [1].

В русле прагматизма находится и тенденция в области управленческой деятельности, которая сейчас пробивает себе дорогу в США и других странах Запада, а именно: постепенная трансформация государственных организаций на основе идей предпринимательства и менеджмента, что заставляет государственные органы ориентироваться на конкретного клиента. Именно об этом идет речь в книге лауреата Нобелевской премии Г. Саймона и его коллег «Менеджмент в организациях», где излагаются новая для Украины дисциплина «административное управление» [2].

В русле философии прагматизма находятся и представляющая интерес работа видных финских специалистов в области управленческой деятельности Т. Санталайнена, Э. Воутилайнена, П. Поренне и Й. Ниссинена, в которой излагается особый подход к планированию, выбору показателей оценки деятельности, характеру оперативных решений, что обусловлено целевой природой управления [3]. Перед нами вполне определенная практическая философия управления, ибо она, во-первых, нацелена на достижение некой цели (результата управления), что требует значительного акцента на планировании, контроле за протеканием реального процесса управления, на мотивации и квалификации руководителя; во-вторых, в ней органично сочетаются такие многие современные направления управленческой деятельности, как стратегическое управление, ситуационное управление, интегрированное развитие руководителей и организаций и пр. Здесь управление по результатам означает систему управления, систему мышления и поведения членов организации, что позволяет субъекту управленческой деятельности творчески и гибко реагировать на изменения в сфере рыночной экономики и использовать различного рода инновации в системе управления.

Проблеме риска в управленческой деятельности, которая осуществляется в условиях действия

рыночного механизма, вполне укладывается в рамки философии антропологического вероятностного детерминизма. В данной философии речь идет о том, что все процессы в социуме определяются деятельностью человека. В отечественной литературе управлению риском посвящены работы отечественных исследователей И. Балабанова «Риск-менеджмент» и Н. В. Хохлова «Управление риском». В них подробно рассматривается круг вопросов, очерченный системой управления риском и страховыми, инвестиционным и финансовыми отношениями, возникающими в процессе такого рода управленческой деятельности [4]. Иными словами, риск-менеджмент исследуется как часть финансового менеджмента, где значительное место отводится таким методам снижения риска, как диверсификация, лимитирование, самострахование, страхование и т.д. В данном случае управление риском адекватно ситуациям рыночной экономики, когда на ее арене действуют производители, продавцы и покупатели в условиях неопределенности результатов, непредсказуемости и малой прогнозируемости их финансового будущего.

В современном обществе управленческая деятельность неразрывно связана с организациями, в которых человек действует на протяжении своей жизни. В науке под организацией понимается такая форма упорядоченных связей индивидов и их групп, которая позволяет на основе сотрудничества координировать цели с целью удовлетворения потребностей. Организация представляет собой относительно целостное, системное и многоуровневое образование, чья деятельность дает возможность достигнуть гораздо более высоких результатов, нежели действия отдельного человека или социальной группы. Реализация целей организации или организаций с необходимостью предполагает координацию, ориентацию и управление взаимодействием индивидов, групп и находящихся на разных уровнях различных структур. Основным здесь является именно управление или управленческая деятельность, оказывающей решающее влияние на функционирование общества. «Во всех развитых странах, - подчеркивает известный американский специалист в области менеджмента П. Друкер, - общество стало обществом организаций... Эффективность современного общества, его способность функционировать и, возможно, даже его способность выжить все больше зависит от эффективности людей, занятых управленческой деятельностью» [5]. Действительно, зависимость самого существования современного, становящегося постиндустриального общества от эффективности управленческой деятельности индивидов обусловлено тем, что само это общество сейчас стало «обществом риска», или «обществом мегарисков». Иными словами, сейчас, в XXI столетии человечество попало в зону «мегарисков».

Философской основой управленческой деятельности в рамках «общества риска» выступает принцип неопределенности, охватывающий сферы информации, политики, экономики и т.д. Поскольку риск в индустриальном и постиндустриальном обществах производится социальным способом, постольку управленческая деятельность должна опираться на социальные технологии снятия неопределенности и снижения степени риска. Западные исследователи пока только намечают направления изучения проблем в этой области на основе подхода к политической институциональной истории развивающегося современного общества (следует помнить, что стержнем функционирования общественной системы служит государственная управленческая деятельность), которое отягощено конфликтами и которое стремится установить определенную систему правил в борьбе с постоянно генерируемыми им опасностями и рискованными ситуациями.

Современное общество как система различного рода организаций включает в себя и управленческую деятельность по координации множества социальных процессов, и его параметры нелинейности, сложности, неопределенности и многомерности должны проявляться также и в управленческой деятельности. Можно сказать, что совокупность этих параметров, выступающих условиями управленческой деятельности, представляет собой важнейшую дифференцированную внутри себя детерминанту, предопределяющую выбор методов и форм управления. Для нас здесь существенным является то, что сейчас в условиях «общества всеобщего риска» уже недостаточно линейной модели управления, универсальных принципов классической теории управления, имеющих в качестве философской основы жесткий детерминизм и позволяющей в ряде случаев получить наивысший, максимальный результат. Теперь на первый план выдвигаются иные принципы управления, выражающие конкретность и многообразие социально-экономического развития общества и его нелинейную, стохастическую, вероятностную природу.

Не случайно, что в рамках философского антропологического вероятностного детерминизма достаточно успешно используется ситуационное управление. Известные западные теоретики в области управления Г. Кунц и С. О'Доннел обратили внимание на значимость параметра неопределенности в условиях управления и акцентировали внимание на этом типе управления. Они

подчеркивают, что «... процесс управления есть искусство, суть которого состоит в применении науки (основ организационного знания в области управления) к реальностям любой ситуации». При этом они уточняют: «Не существует универсального, «наилучшего способа» достижения определенных результатов при любых обстоятельствах», так как «... эффективное управление - это всегда управление по обстоятельствам, ситуационное управление» [6]. Само собой разумеется, что ситуационный подход к управленческой деятельности имеет свои пределы, однако его значимость заключается в выявлении ограниченности принципов классической теории управления и особенно линейной модели управления, сопряженной достаточно прочно с жестким детерминизмом.

Необходимо отметить, что до сих пор в управлении социальными процессами (и природными тоже) доминирует традиционный подход, чьим фундаментом служит линейное представление о функционировании систем социального и природного мира. «Согласно этому представлению, - пишет Е.Н. Князева, - результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, прямо пропорциональное следствие приложенных усилий, что соответствует схеме «управляющее воздействие - желаемый результат». Чем больше вкладываешь энергии и прилагаешь усилий, тем больше как будто бы и отдача» [7]. Иными словами, линейная модель управления основана на том фундаментальном представлении, что воплощение на практике управленческих решений в области политики, экономики, культуры и пр. приводит к достижению желаемого результата. Это значит, что чем больше затрачивается политико-правовых, экономико-правовых средств (в широком смысле) на достижение политических, экономических и иных целей, тем весомее и значительнее оказываются достигнутые результаты. Однако теперь оказывается, что классическая, линейная модель управления социальными, экономическими и прочими процессами в общественной системе оказывается по большому счету неадекватной действительности, хотя она в ряде ситуаций исторического и социального характера действует достаточно эффективно и имеет в качестве философской основы старый, «лапласовский» детерминизм.

В данном случае заслуживает внимания полученные известным ученым И. Пригожиным результаты анализа различных исторических моделей управления социумом. Этот анализ проведен им на основе выделения двух характерных параметра функционирования общественной системы: мера сложности, которая определяется посредством числа действующих элементов, и величина социального давления, интенсивность внешнего управляющего воздействия на индивида. Тогда оказывается, что наиболее устойчивыми моделями социального управления являются линейные модели – «архаические социальные системы, которые изучает Леви-Стросс» [8]. Линейная модель социального управления эффективно действует в обществах типа сохранившихся до сих пор племен аборигенов в джунглях Амазонки, которые находятся на уровне первобытнообщинного строя. Это объясняется беспрекословным следованием традициям и ритуалам, тесной связью индивида с родом, подчинением его обычаям.

В XXI веке в естествознании сложилась новая картина мира, носящая стохастический характер и отличающаяся сложностью, неопределенностью, нелинейностью. Теперь эти представления проникают в сферу социально-гуманитарного знания; в той же исторической науке человек рассматривается в качестве субъекта, который действует в условиях неопределенности широкого спектра альтернатив, что делает исторический процесс сложным и нелинейным. Следовательно, и управленческая деятельность во всех сферах общества (политической, экономической, культурной и пр.) должна соответствовать стохастической и нелинейной природе социального мира и учитывать степень риска. Отечественный политолог А.С. Панарин пишет об онтологической значимости политического риска, обусловленного неопределенностью и нелинейностью: «В стохастической вселенной, где нередуцированными оказываются неопределенность и нелинейность, политика выступает как рискованная (не гарантированная в своих результатах) деятельность. Риск в философии политики понимается не только в социальном и социально-психологическом смысле (как особенность, сопутствующая опасным занятиям), но и в онтологическом смысле, связанном с эффектами неопределенности» [9]. И тем не менее, в той же политике демократических стран Запада до сих пор используется линейная модель социального управления, ибо демократия считалась управляемой и только сейчас возник вопрос о ее неуправляемости.

Следует отметить тот существенный момент, что в истории человеческой цивилизации просматриваются черты нелинейной модели социального управления. Это неудивительно, так как само общество представляет собой в конечном счете нелинейную систему, которая в определенных случаях могла не проявлять достаточно четко свои нелинейные свойства, а если и проявляла, то философские установки типа классической, детерминистской картины мира не позволяли их

осознать. В своем исследовании И. Пригожин наряду с линейной моделью социального управления обрисовал параметры противоположной модели, адекватной сложному обществу со слабым внешним давлением на индивида, т.е. здесь речь идет о синергетической парадигме управления. К этим параметрам относятся, во-первых, условия для проявления каждым индивидом своего личностного «Я», во-вторых, в обществе существует полоса свободного пространства, позволяющая развернуться всему спектру индивидуальных и групповых интересов и действий [8]. Такое общество не сможет устойчиво функционировать, если поведение его элементов окажется совершенно однозначным и однонаправленным, изначально динамическим и имеющим только одну степень свободы.

Описанная сложная общественная система не сможет эволюционировать и в результате она обречена на самоликвидацию. Все дело заключается в существовании одной из закономерностей развивающейся системы общества - наличие в ней некоторого уровня хаоса, без которого не может самоподдерживаться динамичный социальный порядок. «Только хаотичность, разнонаправленность векторов индивидуального поведения, - подчеркивает Е.Н. Князева, - связанная с их подвижностью, возможностью корреляции, приводит на уровне системы к направленному прогрессивному движению. Динамическая устойчивость функционирования и развития определенной социальной структуры как целого основана на том, что на уровне индивидов и групп существует вероятностно-статистический разброс и неупорядоченность, относительно противоречивый спектр индивидуальных и групповых интересов и действий» [7]. Таким образом, нелинейная модель социального управления характеризует устойчивость функционирования сложного и нелинейного по своей природе общества. Сущность нелинейной модели управления общественными процессами состоит в том, что этими процессами можно управлять в нужном направлении, используя слабые воздействия, когда при минимальном затратах политико-правовых, экономических и других средств достигаются значительные результаты, многократно превышающие затраченные усилия. И наоборот, отличительным свойством такой модели социального управления является то, что результат многих политических, экономических и других управленческих действий зачастую оказывается обратно пропорциональным приложенным большим усилиям и противоположным цели этих действий.

Необходимо отметить то существенное обстоятельство, что синергетическая парадигма широко применяется в исследовании проблем управления миром хаотических перемен, мира спонтанных социальных порядков. Одни исследователи предлагают для разработки теории управления, принимая во внимание особенности социальных систем, понятия динамического хаоса, самореферентность, контингентность и др., использовать концепцию эволюционного менеджмента. Эта концепция возникла в силу неадекватности, хотя и приносящих пользу, биологических, органистических аналогий, она представляет собой реакцию на более высокий уровень сложности социальных систем, состоящих из живых элементов, но не редуцируемых к ним. Другие исследователи на основе синергетической парадигмы создают фрактальное исчисление, которое имеют достаточно эффективное практическое приложение, показали эффективность фрактального анализа на рынке капиталов [10]. Фрактальное исчисление неразрывно связано с понятием хаоса, оно исходит из некоей идеализации реального мира – гипотезы самоподобия или скейлинга, когда вид структуры объектов существенно не меняется при масштабах преобразования в определенном диапазоне [11].

Следует отметить, что в прикладном плане синергетическая парадигма управления может оказаться весьма действенным инструментарием продуктивной коммуникации и кооперации разнообразных сообществ, столь необходимых для устойчивого развития регионов и всего украинского общества в целом.

Не менее существенной философской концепцией, оказывающей значительное воздействие на теорию и практику управления социумом и поведением человека, является философская антропология. Последняя представляет собой философию человека, которая выделяет в качестве своего предмета сферу «собственно человеческого бытия», собственной природы человека, человеческой индивидуальности, пытающаяся через антропологический принцип объяснить и самого человека, и окружающий мир, понять человека и как уникальное проявление «жизни вообще», и как творца культуры и истории» [12]. Из данной философской антропологии следует придание приоритета человеческому капиталу перед материальными и финансовыми ресурсами, что представляет собою заметную особенность пятой управленческой революции. Последняя происходила на протяжении почти всего XX в. и продолжает идти по сей день в развитых странах Запада, включая Японию), практически не затронув бывшие советские республики и Украину в частности.

В этом плане заслуживает внимания концепция антропосоциального управления обществом,

исходящая из конструктивных принципов идеи управленческой революции. На основе фундаментальной задачи стратегического менеджмента, которая состоит в формировании и поддержании механизма самоорганизации общества и его ячеек, запускаемого в действие людьми, работающего посредством людей и выдающего результаты для людей, выстраиваются предпосылки управленческой революции в постсоциалистических странах.

С данной концепцией перекликается гипотеза о новой парадигме управления, выдвинутая российским консультантом по менеджменту В. Токаревым [13]. Новый подход предполагает, что человек является меняющейся, но неуправляемой переменной предприятия. Задача менеджмента в этом случае в том, чтобы познать закономерности развития личности и разработать соответствующие программы, обеспечивающие лучшее, чем конкуренты, удовлетворение растущих потребностей каждого работника.

Сущность этого подхода состоит в рассмотрении человека в качестве главного объекта интересов менеджмента, когда целью всей деятельности по управлению персоналом становится наилучшее удовлетворение растущих запросов и потребностей каждого члена организации. Происходит принципиальное изменение отношения к персоналу фирмы. Предполагается, что конечный результат такой деятельности должен проявиться в лучшей работе каждого члена коллектива предприятия, т.е. эффективным станет самоменеджмент, роль которого до сих пор явно недооценивалась.

Однако, с социально-философской точки зрения не следует абсолютизировать данный подход к человеку в системе управления фирмой. В данном случае необходимо принимать во внимание социальные последствия осуществления на практике концепции антропосоциального управления.

Таким образом, весьма четко показано, что осмысленная и целенаправленная деятельность любого коллектива - от патриархальной общины до современной корпорации - невозможна без управленческого регулирования его таких четырех ипостасей, как планирование, организация, руководство и контроль. Истинность тех или иных теоретических схем, концепций проверяется практикой и сводится к полезности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Файоль А. Управление - это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд - М., 1992. – 351 с.
2. Саймон Г. А. Менеджмент в организациях : пер. с англ. / Г.А. Саймон, Д.У.Томпсон, В.А.Смитбург; ред. А.М. Емельянов. - М. : Экономика, 1995. - 335 с.
3. Санталайнен Т. Управление по результатам / Т. Санталайнен, Э. Воутилайнен, П. Поренне, Й. Ниссинен - М., 1993. – 320 с.
4. Балабанов И.Т. Риск-менеджмент / И.Т. Балабанов - М., 1996. – 192 с.
5. Друкер П. Эффективный управляющий / П. Друкер - М., 1994. - С. 7.
6. Кунц Г. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Г. Кунц, С. О'Доннел - М., 1981. - С. 28-61.
7. Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир // В поисках нового миропонимания: И. Пригожин., Е. и Н. Рерихи / Е. Н. Князева - М., 1991. - С. 23.
8. Prigogine I. L'ordre par fluctuations et le systeme social // L' idee de regulation dans les sciences. - P., 1977. - P. 186.
9. Панарин А.С. Философия политики / А.С. Панарин - М., 1996. - С. 21.
10. Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала / Э. Петерс - М., 2000.- Раздел 16. – 333 с.
11. Пайтген Х.- О. Красота фракталов / Х.- О. Пайтген, П.Х. Рихтер - М., 1993. – 206 с.
12. Поликарпов В.С. Современные проблемы науки / В.С. Поликарпов Ростов-на-Дону – Таганрог. 2000. - С. 113-118.
13. Токарев В. Гипотеза о новой парадигме управления // Проблемы теории и практики управления / В. Токарев - 2001. - № 3. – С. 48-49.

Терентьева Л. Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественно-научных факультетов Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

УДК: 162.2

ИНДУКЦИЯ И СИЛЛОГИЗМ В КАТЕГОРИЯХ «СООТНЕСЁННОЕ» И «КАФОЛИЧЕСКОЕ»

Зв'язок індуктивних висновків і висновків силлогізму розглядається в категорії Арістотеля «співвіднесене». Достовірність індуктивного висновку можлива за умови «кафолічного» (Арістотель) або «внутрішнього» (А. Уйюмов) відношення між термінами судження.

Ключові слова: індукція, силлогізм, співвіднесене, внутрішнє відношення.

Связь индуктивных и силлогистических выводов рассматривается в категории Аристотеля «соотнесённое». Достоверность индуктивного вывода возможна при условии «кафолического» (Аристотель) или «внутреннего» (А. Уёмов) отношения между терминами суждения.

Ключевые слова: индукция, силлогизм, соотнесённое, внутреннее отношение.

The connection of the inductive and syllogistic conclusions in Aristotle's category of "related" is considered. The trustworthiness of the inductive conclusion is possible on condition of the catholic (Aristotle) or inner (A. Uyomov) relation between terms of the judgement.

Key words: induction, syllogism, related, inner relation.

Индукцию как логический вывод некоторые исследователи относят к несиллогистическим умозаклучениям, например, В. Асмус в изданном в 1947г. учебнике «Логика» относит выводы по индукции к несиллогистическим умозаклучениям, тем самым дихотомически разделяя выводы силлогистические и несиллогистические.

К несиллогистическим выводам В. Асмус относит, кроме индукции, ещё ряд умозаклучений, где «цель вывода – установление между мыслимыми в посылках предметами отношений другого рода, а именно отношений между предметами *по величине* (предмет *A* больше предмета *B*), отношений *в пространстве* (предмет *A* лежит выше предмета *B*), отношение между событиями *во времени* (событие *A* произошло раньше, чем событие *B*), отношение *причины и действия* (явление *A* есть причина явления *B*, а явление *B* – действие явления *A*), отношения *родства* (Иван брат Петра) и т.д.» [1, с. 238].

Однако, отнесение таких умозаклучений к несиллогистическим основано на том, что в практике их употребления получается так, что «Выводы в них делаются – без добавления новой посылки, превращающий их в силлогизм, – на основании тех отношений между понятиями, которые устанавливаются в их посылках» [1, с. 238].

Если так, то отнесение таких умозаклучений к несиллогистическим основано на том, что здесь имеем дело с непосредственными умозаклучениями из одной посылки или с энтимематическими силлогизмами, где одна из посылок подразумевается, т. е. держится в уме.

Употребление в практике мышления таких неполных силлогизмов не есть причина для того, чтобы дихотомически противопоставить их силлогистическим умозаклучением. В. Ф. Асмус приводит пример такого несиллогистического умозаклучения:

*«Диаметр шара *A* равен диаметру шара *C*.*

*Диаметр шара *C* равен диаметру шара *B*.*

*След., диаметр шара *A* равен диаметру шара *B*.*

Здесь могло бы показаться, будто перед нами – силлогизм первой фигуры. Но здесь необходимо преобразование посылок, чтобы превратить это умозаклучение в силлогизм. Для этого необходимо, во-первых, добавить новую – большую – посылку. Такой посылкой будет здесь суждение «две величины, равные каждая порознь, одной и той же третьей, равны между собой». Во-вторых, необходимо соединить обе посылки нашего умозаклучения в одну – меньшую: «величины диаметров шара *A* и шара *B* равны каждая порознь величине диаметра одного и того же третьего шара *C*.